

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Aisuluu Sartbaeva. Interviewer: Mark Markov

<http://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/aisuluu-sartbaeva>

Content © 2016 Coney Island History Project.

Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Марк Марков – Я, Марк Марков, беру интервью у Айсулуу Сартбаевой для Проекта истории Кони-Айленда. Сегодня двадцатое февраля. Итак, расскажите о том, как вы приехали в Нью-Йорк, в Америку, и чем это обосновывалась.

Айсулуу Сартбаева – Здравствуйте, меня зовут Айсулуу Сартбаева, и я из Киргизстана. Это – Центральная Азия, бывший Советский Союз, поэтому мы владеем русским языком. Наша история пребывания в Америке началась с того, что меня по работе направили в Америку (я работаю журналистом), потому что у нас был государственный проект на телевидении. Мы могли освещать все, что происходит в других странах, в том числе, Америке. Сначала я жила в Вашингтоне – одна. То есть, моей семьи, детей, никого здесь не было. Я была одна, работала. Потом мои дети приехали ко мне в гости (где-то через год). Как только они приехали, мы переехали в Нью-Йорк.

Конечно, у нас, как только прибывших в Америку, стоял вопрос – как же нам отправить детей в школу? На тот момент у меня уже дочка была в седьмом классе; сын был в пятом-шестом классе. Нам надо было найти школу. К моему удивлению, это не представляло такой большой трудности. Мы как раз жили здесь, в этом районе – в районе Кони-Айленд. Для нас это место имеет очень большое значение, и мы очень рады, что мы в этом районе, так как и район тихий, и школы здесь хорошие оказались для наших детей. В школе, они могли—на тот момент у них английский был, ну не ахти: тот же школьный английский, как у нас там преподают. Мы с мужем, конечно, очень волновались: как они пойдут в школу? Как они все освоят? Но нам повезло со школой. Мы определились в школу—

ММ – Простите, в какую школу?

АС – Это школа IS 303. Она находится на West Avenue. Там есть специальная программа для тех, кто только прибыл в Америку. То есть, [ученики] могут учиться частично на своем языке, и частично на английском языке, чтобы переход был полегче, переход с русского или испанского языка (с какого угодно) на английский язык. Нам очень повезло в этом плане, и мои дети смогли быстро адаптироваться. Это нас очень беспокоило, потому что детям иной раз бывает очень тяжело друг с другом сойтись. Тем более, здесь американские дети; там постсоветские дети. Но ничего, тем не менее, они нашли друзей, свой круг общения, и мы очень довольны школой. Конечно, в первые годы, мы как родители ничего не понимали. [Мы не понимали] ситуацию с учебным процессом. Моим детям пришлось самим во все это вникать, потому что у нас был языковой барьер, и нам некогда было. В тот момент немножечко не до детей, как говорится.

[Потом] я стала президентом РТА [Parent Teacher Association]. То есть, при каждой школе в Америке есть ассоциация родителей и детей. Это ассоциация при школах, которая является мостом между родителями и школами, где мы можем делиться проблемами или советами: как можно лучше преподавать и как можно достичь больших успехов в учебе наших детей. Вот уже более трех лет я являюсь активным родителем. Также я состою в Городском совете при Департаменте образования для детей иммигрантов и для тех, кто изучает английский язык в школе. То есть, примерно для таких детей, как мои дети.

ММ – Расскажите, пожалуйста, о том, как вы узнали об этих ассоциациях, которые при каждой школе, и как вы стали активным родителем.

АС – Здесь что меня поразило – это открытость информации. Здесь везде, всегда информация открыта и очень доступна. Постоянно нам приходят уведомления или звонят из школы и говорят о тех или иных новостях, и соответственно о том, что будет. Мне была очень интересна жизнь моих детей в школе. Поэтому я однажды посетила собрание в школе. Там стоял вопрос как раз о выборе президента в эту ассоциацию родителей и детей. И я подумала, почему бы и нет, хотя у меня самой английский был не ахти – ну не очень хороший английский. Но тем не менее, я рискнула. Думаю, хорошо, так как мне пообещали в школе помочь. Действительно, школьный коллектив и директор школы, все мне помогали. Сейчас я уже три года как в этой ассоциации (меня избрали президентом).

Что мы там делаем? Мы стараемся привлечь как можно больше родителей к жизни школы и детей, понимая, что, особенно для иммигрантов, особенно для тех, кто только прибыл в Америку, для таких родителей очень тяжело постоянно следить за детьми или постоянно ходить на родительские собрания, потому что им некогда: им надо работать. У некоторых двойная, тройная смена, очень загруженный график. Поэтому приходится работать и днем, и ночью тоже. То есть, нам нужно найти выходы, способы, чтобы привлечь этих родителей к жизни школы, потому что дети наше будущее. Если мы упустим их сейчас, потом нам самим же будет тяжело. Хотя мы понимаем, что важно платить биллы, и зарабатывать деньги тоже, но, тем не менее, дети тоже важны.

И также я узнала о том, что в Городской совет для изучающих английский язык тоже идет набор активных родителей. Это – СЕС ELL (Community Education Council of English Language Learners) в Нью-Йорке. И я подала свои документы. Думала, попробую подать документы. Я подала свои документы, и проголосовали за меня, и второй срок, как говорится, нахожусь в этом Community Council. Что мы там делаем? Мы там тоже соединяющее звено между родителями и детьми, и также между департаментом образования [города] Нью-Йорка. Потому что опять-таки, когда у родителей языковой барьер, когда у родителей свои домашние проблемы, для иммигрантов-родителей это очень тяжело: прибыть уже со взрослыми детьми, прибыть в чужую страну и начать все заново. Эта получается вся жизнь! Все надо начинать сначала. И карьеру надо начинать, и работу находить, и переобучаться, и языку, и каким-то специальным навыкам. Но при этом у тебя дети уже взрослые – тинэйджеры. Это очень тяжело, конечно. Мы стараемся

помочь; мы стараемся переводить каждое сообщение, каждую новость на те языки, которые нуждаются. Например, на русский, на испанский, на турецкий, на узбекский. В чем является основная проблема родителей, если у них нет языка? Это, конечно, понимание; это элементарная коммуникация. Если родитель не понимает, он и не хочет в школу приходить: «Ну, а что я туда пойду? Я все равно ничего не пойму. Ну, что я там потерял? Мне некогда». И так далее.

ММ – И это вы делаете на волонтерской основе?

АС – У нас все, и РТА президентство, и в совете все идет на волонтерской основе. Это не оплачивается. Мы идем сами, добровольно. Мы знаем, куда мы идем. Помимо того, что у нас у самих семья, дети, работа, муж (мужу приготовить [смеется]), и дома убираться, и за детьми присмотреть, надо еще сходить на общественное собрание, на общественные слушания, где мы выявляем какие-то вопросы, какие-то проблемы, и пытаемся их решить. Как мы распространяем информацию? Допустим, у нас произошло собрание. У нас есть ряд вопросов. Мы на эти вопросы отвечаем и распространяем это по электронной почте по школам, по местным Community Education Council (мы городской совет, но еще есть местные в каждом дистрикте). Мы должны распространять эту информацию для каждого дистрикта, а они уже до каждой школы и до каждого родителя, чтобы вся эта информация не осталась здесь. Она должна дойти до каждого родителя, не зависимо от его языка или места пребывания.

ММ – Вы можете дать пример того, что вы передаете сверху вниз, получается?

АС – С нас стороны как раз получается, что мы передаем снизу вверх, потому что мы – обычные родители. Мы не сидим на зарплате. Мы не сидим в кабинетах. У нас нет никаких доступов, возможностей. Но, тем не менее, мы работаем от народа. То есть, как это получается? Я иду в школу, или кто-то обращается ко мне, говорит «вот, у меня с ребенком вот такая история произошла», и нам нужно найти, как ее решить. И я в следующий раз на совете ставлю этот вопрос: «вы знаете, в тот раз произошла такая-то история». Например, в последний раз была история, когда говорили о безопасности в школах: про драки, как между девушками, и между парнями, в старших классах. Родители ко мне обратились, что вот, там толи полиция не воздействовала, толи школа никак не воздействовала. Что делать в этом случае? Я подняла этот вопрос на совете. Как раз у нас был человек, который пришел с департамента образования именно по безопасности школ. И я вынесла это, и непосредственно ему дала все данные, полную информацию о том, что произошло. И мы попытались решить этот вопрос. То есть, в этом плане, у нас идет именно из народа, из простых родителей, вся идет информация вверх. Мы даем знать департаменту образования, что творится сейчас в школах. Мы независимы от школ; мы независимы от департамента образования. Мы только даем информацию и пытаемся решить вопрос.

ММ – Когда вы приехали и начали интересоваться образованием ваших детей, как вам показалось образование (в смысле уровня образования) в школах в Нью-Йорке, и влияете ли вы на это в вашем собрании [Community Education Council of English Language Learners]?

АС – Естественно, чтобы понять саму образовательную систему, мне самой пришлось на это потратить—быть активным родителем, постоянно участвовать на собраниях — почти два-два с половиной года. Я только сейчас начала понимать, в чем заключается вся образовательная система, и только сейчас начала понимать, как мы можем как родители [помогать нашим детям]. Конечно, образование в Америке намного отличается от нашего школьного образование и от наших школьных обучающих процессов. Соответственно, намного отличается, потому что здесь процесс обучения идет более... более, знаете, целенаправленнее. Если у нас, по советской системе, ты изучаешь все и всех на свете, то здесь больше *targeted*, более точно изучаешь каждый [предмет]. Если история Америки, то только история Америки. Если история, допустим, мировых войн – Первая или Вторая [мировая] война. И моим детям вначале казалось это легко. Они очень легко схватили программу, они очень легко смогли войти в эту программу. Они даже удивлялись: «Ой, мама!». Мои дети даже удивлялись, насколько легче программа здесь, чем там, у нас. Но здесь ты больше должен работать на логику. Здесь нет таких прямых ответов, прямых вопросов, как у нас, то есть, все прямолинейно, все доступно: либо ты знаешь, либо ты не знаешь. Все. Но здесь, здесь по-другому. Я своим детям тоже объясняла, что здесь нужно включать свою логику. Как говорится, думать *out of the box, right?* Немножечко выйти за рамки твоих пониманий. Это мне было интересно.

ММ – Считаете ли вы, что достаточно внимания в школах Нью-Йорка достается продленке и времени вне школы?

АС – Спасибо большое за этот вопрос. Действительно, важный и очень интересный вопрос. Для меня, когда мы только прибыли в Америку, было очень интересно, и это был очень важный момент: как будут проводить в свободное время вне школы мои дети? Куда они могут пойти? Здесь все дорого или здесь все дешево? В общем, как мы можем контролировать своих детей в дополнительное время, после-школьное? Я очень была удивлена. Здесь много разных программ, после-школьных и причем бесплатных, который оплачиваются государством. Государство оплачивает некоммерческие организации, и те некоммерческие организации в свою очередь в школах проводят *afterschool program*. Они имеют разные направления. Например, если говорить о нашей школе (это школа IS 303), у нас есть программы как *dance program*, у нас есть программы игры на саксофоне (мой сын ходит на эту программу – он у меня саксофонистом стал). Также у нас есть программа журналистики – то есть, то мы журналистику преподаем. И я тоже, в свою очередь, сочла важным помочь школе, помочь проекту, и на бесплатной основе проводила и провожу уроки журналистики у нас в школе. Очень удивительно, потому что всем кажется, в Америке это все дорого. О боже, как пойти? Мы в нашей стране даже иной раз не имеем возможности отправлять своих детей в какие-то программы, потому что это дорого. Но здесь, к большому удивлению, очень много программ, которые вполне бесплатные: детям нужно только быть на этих программах. Они должны проводить определенное время – допустим с трех часов (как они выходят со школы) и до пяти – в этой *afterschool* программе. Мы знаем, где

наши дети находятся, чем они занимаются. То есть, мы можем тем самым их контролировать. А также очень много разных других программ, которые проводят неправительственные организации. Допустим, программа как Coney Island History Project, это тоже очень интересная и познавательная программа, потому что дети имеют возможность куда-то выехать, возможность осмотреться в районе Кони-Айленда. Дети имеют возможность познакомиться с историей, с культурой этого района, потому что этот район (Кони-Айленд) имеет тоже очень большое значение, очень большое влияние именно на становление Нью-Йорка как города, как большого мегаполиса. Также у нас есть программы, которые—сейчас мой сын тоже посещает эту программу. Это – NYPD explorers. Эта программа проходит при участии местных участков. В нашем случае это 60th Precinct. Участковые полицейские учат наших детей, как защитить свои права и как не нарушать права. Также они выезжают на другие объекты, им показывают, как работает NYPD (Нью-Йоркская полиция), как это опасно, и как общество, и как житель, каждый житель, должен помочь полиции для того, чтобы у нас было меньше криминальных хроник, и для того, чтобы могли уберечь себя и своих детей от криминальных каких-то аспектов и моментов. Это очень интересная программа тоже. И таких программ очень много, особенно летом. Летних программ очень много у нас здесь при аквариуме; открывается Coney Island History Project. Летом соответственно возобновляется и становится больше возможностей, больше программ, летних лагерей. Мне как прибывшему из другой страны очень интересно, и моим детям очень интересно, познавательно ходить на эти программы. Мы с удовольствием стараемся посещать их.

ММ – Как вам кажется, многие родители об этом не знают, и если нет, то как вы распространяете информацию об этих кружках, продленках, и так далее?

АС – Да опять, мы через школы, хотелось бы заметить, имеем право отправлять, распространять информацию только про *community-based* – то есть, бесплатные. Через школы мы имеем право (мы как Community Education Council, как организация) распространять информацию. Говорить с родителями – это как происходит? В виде брошюр. Опять, мы стараемся эти брошюры, эту информацию переводить на языки: на тот же русский, на тот же китайский – на все языки, чтобы это было доступно. Мы это распространяем через школы. Также, каждая организация приходит к нам и делает свои представления – что они, кто они, откуда? Мы уже в свою очередь распространяем по всем школам, потому что у нас есть база данных и имейлы всех школ. Мы соответственно туда отправляем эти листовки, для того чтобы распространить среди родителей.

Конечно, еще моментом основным является действительно, как вы заметили, много ли туда ходят? Да? Много ли родителей туда отправляют своих детей? Действительно, некоторые не знают. А другие, кто знают, выбирают для своего ребенка то, что им интересно. Допустим, кому-то интересна полиция, а кому-то не интересна полиция. Им интересны танцевальные кружки. Кому-то интересна музыка. Они их направляют больше в музыкальные [кружки]. Здесь очень много направлений. Родители могут выбрать, что им больше нравится,

или чем больше интересуются их дети. Для меня лично? Я стараюсь отправлять своих детей во все кружки, в которые только можно отправить [смеется]. Действительно. Во первых ребенок сейчас не знает что он хочет. Он вообще ничего не хочет. Он хочет только сидеть за компьютером и играть в игры. Но мы, как родители, должны их направлять. Если он попробует пойти на музыку – ну, допустим, не понравилась музыка – завтра он пойдет в полицейский кружок. Там ему что-то понравилось, что-то там зацепило: что-то его он нашел. Поэтому я считаю, что надо по мере возможности детей занимать полное время. Сколько у него времени есть – занимать все это время. Чтобы у них не было времени думать о чем-то другом. Есть какие-то кружки, есть детские лагеря, есть какие-то проекты: это очень интересные все проекты. Единственное, надо чтобы ребенок ходил, ходил, ходил – посещал и тот, и другой, третий, и четвертый. А потом уже выберет сам. Либо будет во все ходить чуть-чуть, либо выберет более менее какое-то направление. Это мое мнение.

ММ – Вы сказали, что вы ваших детей посылаете всюду: здесь были и там были. Но, наверное, так было не сразу. Расскажите о том, как вы узнали об этом, и как это происходило именно с вашими детьми.

АС – Да. Действительно, это набирало оборот не сразу [смеется]. Это все было по истечению времени. Сначала мы ходили только на те кружки, которые у нас при школах, потому что более-менее информация доступна о тех кружках, которые у нас сейчас при школах происходят. То есть, что у нас есть. В школе нам говорят, и мы отправляем, либо не отправляем. Потом, я заметила, что они ходят только на один кружок, а остальное время у них еще есть. Очень много времени, после *afterschool*, где они делают свои уроки. Потом после этого ходят на саксофон, например, мой сын. Потом, я смотрю, что-то мало. А куда остальное время девать? Потому что музыка у них, допустим, вторник/четверг. Я смотрю NYPD, вот эта *explorer program*, она проходит, допустим, понедельник/среда. Почему бы и нет? А где ему быть в понедельник/среду? Все равно будет туда-сюда ходить. Пусть лучше ходит туда, где ему будет полезно ходить. Где он узнает более полезную и нужную информацию. Сейчас ему это больше понравилось. У меня дочка, например, она ходит в *high school* в Манхеттене, она сейчас начала на *modeling* ходить, именно как модельер. До этого она ходила только—так как у нее медицинское направление, она ходила только в кружок по медицине. Потом, я ее направила дальше, хотя она утром встает в четыре утра. У нее дорога очень долгая: ей надо ехать в ту сторону Манхеттена. С этой стороны Нью-Йорка в ту сторону Нью-Йорка. Занимает много времени. Но ничего, она в поезде может сделать свои уроки. То есть, достаточно времени. Я пытаюсь занять своих детей, чтобы у них не было свободного времени.

Еще информацию я достаю из интернета, конечно. У меня есть очень хороший друг, верный, который всегда со мной везде. Открываю интернет, просматриваю программы; просматриваю «*nonprofit organizations for kids*». Они имеют очень много программ вполне доступных, вполне открытых, и вполне бесплатных. То есть, я тоже стараюсь: ищу, смотрю, уделяю на это время. Конечно, раз мы уже имеем детей, нам надо чуть-чуть

дополнительного времени уделить для них, для того чтобы они могли найти себя в жизни и в будущем.

ММ – И теперь расскажите немножко о вашей журналистской деятельности, и как вы ведете кружок в школе этой профессии.

АС – Да, я журналист уже более 15 лет. Я телевизионный журналист, я также работала и на радио и в газете – то есть, и в печатных СМИ. Для меня журналистика, насколько я себя знаю, я себя помню – я только журналистикой и занималась. Может быть, поэтому моя профессия влияет на то, как я воспитываю своих детей. Журналистика в чем состоит? Это *research* – надо постоянно добывать информацию, получать информацию. Надо постоянно работать над информацией, над обработкой информации, к чему я и стремлюсь, что я и делаю. Поэтому, чем больше ты находишь информации, тем больше соответственно надо ее фильтровать и находить для себя важное и полезное – также для моих детей. Может, поэтому я еще и много занимаюсь поиском информации для моих детей. Где бы они могли дополнительно себя найти?

Соответственно, в школе я предложила сама, что я могу бесплатно, на волонтерской основе, преподавать в школе детям журналистику, потому что я считаю, что на сегодняшний день журналистика является из нужных профессий. Может, он завтра не станет (этот *high school student*) профессиональным журналистом, но у него уже будут какие-то основные навыки: как нужно пользоваться информацией? Зачем она нужна? Как ее надо выбирать? Поток информации просто бесконечное количество, но из него нужно выбрать то, что конкретно нужно тебе и как ты его можешь правильно использовать. А также я учу своих детей преподносить себя обществу, преподносить свои идеи обществу и преподносить свою работу обществу, потому что каждый из нас умен, каждый из нас делает что-то, каждый из нас имеет какие-то интересные проекты. Но если ты этот проект будешь сидеть, держать у себя в комнате, не выходя из своей комнаты, кто о нем узнает? Как ты можешь этой полезной информацией поделиться? То есть, ты должен иметь навык делиться этой информацией. Не только получать информацию, но и делиться. Кто узнает о тебе? Это как говорится—ну я еще была пиар директором, пиар менеджером. Это тоже дает о себе знать. Потому что журналистика как таковая, не только журналистика, но включает в себя еще и пиар много разных других аспектов. Потому что, будучи журналистом, ты должен понимать, как ты должен преподнести эту информацию. Потому что очень много информации. Надо, чтобы прочитали именно твою статью. Надо, чтобы прослушали именно твое интервью. Нужно, чтобы именно твое видео просмотрели. Видео очень много – у людей нет времени смотреть видео. Но нужно сделать так, чтобы они просмотрели именно твое видео. Как это сделать?

Конечно, среди моих студентов есть те, которые действительно очень интересуются и очень хотят этим заниматься. И есть те, которые ни да, ни нет, потому что у них сейчас такой возраст. Они не знают, чего они сами хотят. У меня восьмой класс, седьмой, или девятый, десятый класс. То есть, у них как раз такой период: им вообще ничего не надо сейчас, честно говоря [смеется].

Но тем не менее среди них есть уже талантливые ребяташки, которые уже знают, чего они хотят в жизни.

ММ – Расскажите о том, в чем именно состоит обучение в вашем кружке. Чему именно вы учите?

АС – В моем кружке журналистики я учу своих детей пользоваться профессиональной видеокамерой и профессиональным диктофоном. Как я уже сказала, очень трудно найти к детям подход, тем более в их сегодняшнем возрасте. Им ничего не интересно. Моя задача заинтересовать их. Что мы делаем? Мы делаем аудиозапись. Мы берем аудио-интервью, как будто они работают на радио на ту или другую тему. Потом делаем его редактирование даже. Потом мы делимся на группы и показываем. Каждая группа показывает: кто-то сделал газету; кто-то сделал интервью на радио; кто-то сделал на видео. Мы стараемся по мере возможности сделать это как будто по-настоящему, чтобы они поняли, что это не игрушки, что это вполне серьезная и очень интересная работа. Потому что, будучи журналистом, ты можешь быть свободным. Ты можешь ездить по всем странам. Это твоя работа – ты должен ездить по всем странам, ты должен узнавать новое, ты должен брать у разных, разных людей интервью. Они должны быть зажжены этой идеей. Они должны понимать весь интерес: что они не будут завтра сидеть в одном кабинете и печатать свои отчеты с утра до вечера, что это очень интересная работа. И я стараюсь это делать. Мы делали газету. Им очень понравилось делать газету. То есть, берем какую-то новость (даже ту же новость в школе), и как он может поделится этой новостью? Это группа делает свою газету, как будто и вправду она выпустила газету, и представляет нам. А потом сами же дети смотрят со стороны и оценивают. Допустим, одна группа выступает. Другие сидят и оценивают, дают им баллов, на сколько они сделали. Потом я спрашиваю, на сколько была вам понятна эта информация (как зрителю или как читателю или как слушателю)? Понял ли ты эту новость? В чем заключалась основная идея этой информации? Что они хотели тебе донести? Вы поняли или не поняли? Если они поняли, то работа была сделана более-менее неплохо. Чем заинтересовать? Надо делать это по мере возможности как по-настоящему. Настоящие *editing* программы, настоящий диктофон, настоящая видеокамера. Конечно, опасно давать детям настоящую профессиональную камеру, как я делала [смеется], но что поделаешь. Под моим чутким присмотром мы это делали.

ММ – Большое спасибо. Я не знаю, может, есть что-то о чем в хотели еще сказать, о чем я не спросил?

АС – Да. Спасибо за возможность в первую очередь за то, что вы пригласили меня на это интервью. Действительно, было для меня очень ностальгически вспомнить прошлое: как мы только приехали, как мы только все начали, и в каком мы сейчас состоянии, положении. Я сама во время этого интервью сегодняшнего пережила заново все, что с нами, с нашей семьей произошло. Сейчас более-менее уже муж нашел себя, и я нашла себя, и дети вроде бы очень хорошо в школе адаптировались.

Что я хотела сказать? Действительно, быть иммигрантом или быть тем человеком, который приехал в новую страну, это очень тяжело. Тяжело! Чем

старше, тем тяжелее, потому что тем старше твои дети, у тебя нет уже времени, как раньше, быть студентом (бесплатно работать), у тебя нет, как раньше, времени пробовать тут, пробовать там (просто так – для пробы), потому что нет времени. Тебе уже надо платить биллы, у тебя уже дети на шее, у тебя уже вся жизнь переворачивается. Это очень тяжело. Главное — держаться, крепиться, и не забывать о детях. Потому что для чего мы живем? Для чего мы здесь? Для чего мы приехали? Для многих из иммигрантов вопрос именно в детях стоит. Для того, чтобы они могли получить лучшее образование, имеет лучшее будущее. Я считаю, что Америка именно то место, где наши дети могут иметь действительно лучшее будущее. Действительно, чуть лучшее положение, развитие, потому что здесь более-менее все доступно. Хочешь учиться – учись. Хочешь дополнительные занятия, ходи, пожалуйста. Тебе здесь рады. Тебе все стараются помочь. Неправительственные организации очень много работают над реабилитацией иммигрантов. Также очень много исторических проектов тоже работают над тем, чтобы не забывать историю, над тем, чтобы быть патриотами страны. И я очень благодарна Проекту Истории Кони-Айленда за то, что они дают нам возможность, нам и нашим детям, не забывать свое прошлое, и в тоже время стремиться к хорошему будущему. Спасибо вам большое. Это все, что я хотела сказать.

ММ – Спасибо.